

ШОЛОХ

Цикл книг, объединенных огромной магической вселенной Лайонассы. Каждый роман – это самостоятельная завершенная история.

ШОЛОХ. ТЕНЕВЫЕ БЛИКИ

Обаятельные Ловчие: умничка Тинави и гений Польнь.
Светлый магический детектив о Лесном королевстве.
#знакомство_co_вселенной #уют #легкость

ШОЛОХ. ТЕНЬ РАЗРАСТАЕТСЯ

Единственное исключение из системы одномоментников: нужно читать
после «Бликов».
#путешествия #тайны_прошлого

ШОЛОХ. АКАДЕМИЯ БУРЯ

Демон, сыщик, студентка, проповедница, оборотень и колдун
на краю света.
#новые_герои #наиболее_классическое_фэнтези

ШОЛОХ. ПРИЗРАЧНЫЕ РОЩИ

Жителям Лесного королевства предстоит сильно измениться: жизнь и
смерть, тайны прошлого, честность и любовь. Обратный отсчет пошел.
#драма_прямо_драма #но_и_уют_много #вам_точно_нужно_прочитать

ШОЛОХ. ОРДЕН СУМРАЧНОЙ ВУАЛИ

Темное терпкое фэнтези: триллер и дарк академия об актрисе,
воре и аристократе.
#новые_герои #драма #вайб_азии #вайб_рима #стекло

ШОЛОХ. ДОЛИНА КОЛОКОЛЬЧИКОВ

Нечеловечески красивые мужчины в заколдованных горах.
#новые_герои #драма #стекло #но_и_уют_много #долина_крашей

Здесь вы можете встретить Тинави из Дома Страждущих

Здесь вы можете встретить Берти Голден-Халлу

АНТОНИНА
КРЕЙН

ВИТРАЖИ ЛЕСНОЙ СТОЛИЦЫ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К79

Иллюстрация на обложке *Роксаны Бойлиевой (ER_KEYD)*
Внутренние иллюстрации *DARRI, Какая разница, mimmirii, финой on fire.*
Дизайн издания *Екатерины Петровой*

Крейн, Антонина.
К79 Шолох. Витражи лесной столицы / Антонина Крейн. — Москва : Эксмо, 2024. — 256 с.: ил.

ISBN 978-5-04-199618-5

Разноцветный витраж из шепотов, загадок, повседневности и юмора «Шолоха», пронизанный лучами летнего солнца. Возьмите капучино навынос в одной из уютных кофейен и наблюдайте за Тинави и компанией. Только ведите себя тихо, и тогда вы узнаете многое из того, что раньше было скрыто: обмен телами, ночные взломы, тайные поцелуи, ревность, спортивные состязания, шопинг и даже секретные операции под прикрытием. Это приключение вы не забудете никогда!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199618-5

© А. Крейн, текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Посвящается моему любимому Дахху из Дома
Смеющихся, который был так занят написанием
«Доронаха», что почти не участвовал в приключе-
ниях из этого сборника. Дахху, очень жду тебя в сле-
дующий раз!*

ВЕРЕСК ЗОВЕТ НА ПОМОЩЬ

Тинави из Дома Страждущих

Было еще темно.
Я сидела на вершине холма, скрестив ноги, и влажная от ночной росы трава обступала расстеленный плед, как изумрудное море — затерянный остров.

— Уже скоро, — тихо сказала я, глядя на горизонт. — Совсем скоро.

Полынь не шелохнулся, и только легкий цветочный ветер, танцующий над холмами, коснулся одного из колокольчиков в его волосах: «Хорошо. Я знаю».

Глубокие, подводные цвета предрассветного часа — сапфировый и чернильно-зеленый — были напоены ароматами лесной земляники и пионов. В ореховой роще, оставшейся у нас за спинами, шебуршились какие-то птицы. А впереди были только холмы.

Холмы, холмы, холмы... Травяные волны до самого горизонта, нашептывающие что-то на языке княжества Вухх. Мир большой

и выпуклый, как небо. Звонкая, натянутая темнота, которую вот-вот надорвет рассвет.

— Сейчас, — шепнула я и сжала ладонь Полыни.

Малиново-золотое свечение лентой легло на границу земли и неба. Напоминая волшебный цветок, оно мерцало и ширилось, раскрывая объятия. Воздух стал гуще: уже не такой прозрачный, он словно получил вес. Природа затаила дыхание. Мои ноги, руки — тяжелели, обретали вещественность, ветер впервые показался холодным, и я знобко повела плечами, на которые Полынь тотчас молча накинул свой лежащий прежде на пледе плащ.

Кромка солнечного диска — роскошного, сияющего темным, — показалась над горизонтом. Воздух был пронизан золотой пылью, вдохнув которую, я почувствовала вкус меда на языке.

Янтарное сияние лилось в нашу сторону, словно божество в струящихся одеждах ступало по холмам. Его длинные пальцы касались верхушек холмов — так мама рукой ласково треплет волосы детям, — и те оживали: просыпались маленькие зверьки, птицы вспархивали из высокой травы и пели.

Один за другим по холмам прокатились теплые бронзовые лучи и коснулись нас. Мои глаза были полны слез — я не хотела моргать, чтобы не упустить ни мгновения этой чарующей зари, этого таинства природы. Наконец, свет обхватил меня и включил в свой золотой поток. Миллиарды частичек вселенной, сама энергия бытия пронизывала меня насквозь, вымывая старый день, даря свободу нового. Все менялось и преображалось каждое мгновение: первородный танец унни был диким, непредсказуемым, захватывающим дух в своей непостижимости.

Но людям нужен порядок, — и, все-таки смежив веки, я мысленно создала пути для течения энергии.

Движение вверх — из центра земли, через корни деревьев, через почву, мхи и к небу — зеленый колодец унни, устремленной

ввысь. И одновременно с ним — движение вниз: от звездного шатра к макушке, вдоль позвоночника, сквозь распластавшиеся по земле лютики и дальше — к подводным источникам, скалам, недрам планеты. Два разноцветных потока, и ты внутри них, укутанный мягким свечением солнца.

Мира нет, есть только энергия. Времени нет, есть только вечность. Меня нет — есть только искра. Но она хочет созидать и потому создает и меня, и мир, и время... И Полынь.

Когда я пригласила Внемлющего поехать со мной к холмам и встретить там рассвет, совместив это с ритуалом «фонтана» из чьяги — так называлось открытие двух потоков и единение с сущим благодаря ему, — я боялась, что Полынь откажется. А когда он согласился, я подумала, что наверняка сама проведу эти золотые минуты, подглядывая за Внемлющим — как он выглядит, когда медитирует? Как выглядит на заре?

Но в итоге сейчас, увлекшись игрой света внутри и вокруг себя, я почти забыла о том, что Полынь сидит рядом. Если бы, исследуя себя внутренним взором, я вдруг не осознала, что моя правая рука *сжимает чью-то руку*, а не просто лежит на колене, я бы так и просидела весь рассвет, нежась в своем одиночестве. А так — я приоткрыла один глаз, потом второй и осторожно, чтобы не спугнуть, покосилась на Полынь.

Он сидел, подставив лицо лучам этого безмолвного, приятно тяжелого бронзового солнца, и перышки, вплетенные в его волосы, слабо колыхались. Полынь казался безмятежным и вечным, куда более старым и одновременно юным, чем он есть на самом деле, — видимо, и для него сейчас не существовало времени.

Интересно, что он представляет?

Вчера я рассказала ему о ритуале фонтана — об этих потоках, нисходящем и восходящем, — которые можно почувствовать, уси-

лить и разогнать, чтобы весь день после этого видеть, слышать и чувствовать чуть тоньше, чем обычно. Но стал ли Полынь пробовать эту технику или нашел для себя другую точку баланса в нашей огромной, полной тишины, танцующих теней и льющегося света вселенной?

Какое-то время я, затаив дыхание, любовалась Внемлющим: он редко бывает так неподвижен и расслаблен, а потом обвела взглядом все вокруг и с жалостью отметила, что драгоценные минуты рассвета уже уходят.

Винно-янтарная глубина сменялась легкостью лимонных и лазурных красок, солнце уже полностью показалось над горизонтом, живущие в холмах зверьки выбирались из нор и мчались по своим делам: только серебристые спинки мелькали в траве. Гудели шмели в цветочном воздухе.

Когда я вновь обернулась к Полыни, он уже тоже открыл глаза и внимательно смотрел на меня.

— Жаль, что все так быстро закончилось, — сказала я.

Внемлющий покачал головой.

— Солнце поднимается над холмами каждое утро, малек. Ничего не закончилось.

— Но *такого* утра уже не будет.

— Зато *это* — было. Ты его не упустила. Я его не упустил. — Он пожал плечами.

— Тебе понравилось?

— Да, — кивнул Внемлющий, поднимаясь и утягивая меня за собой.

То, как тихо он это сказал, могло означать лишь одно: ему понравилось даже больше, чем он рассчитывал. Смее даже предположить, что сейчас Полынь подумал что-то наподобие: «Надо же. Все неприятные вещи, сопутствующие встрече рассвета в холмах, —

вроде подъема не пойми во сколько и долгой дороги — окупилась сторицей».

— Но, Тинави, если ты сейчас предложишь делать так каждые выходные или что-то вроде того, я откажусь, — предупредил Внемлющий, быстро идя к ореховой роще.

Кажется, он торопился вернуться в город: как минимум, за кофе. Как максимум, за продолжением недосмотренных снов. При каждом шаге полы шелковой хламиды обвивались вокруг его голени, а высокая трава ненадолго расступалась, прежде чем сомкнуться вновь, и я успевала шагать по этой недолговечной зеленой тропке, оставляемой Полынью.

— Не предложу, — я помотала головой. — Это бессмысленно. Я же сказала: *такого* не будет. Зачем тогда пытаться повторить? Я буду предлагать тебе другие вещи. Возможно, еще более жуткие — готовься.

Я не видела его лица, так как он шел передо мной, но догадалась, что он улыбается.

Думаю, кто-нибудь, кто наблюдал бы за нами со стороны, не понял бы, отчего вообще придавать такое значение какой-то четверти часа, проведенной в холмах поутру, в молчаливом сидении на плече.

Но мы — шолоховцы, понимаете? Лесные жители со своим странным взглядом на мир. Среди нас есть те, кто более склонен к романтике, философии, и те, кто кажется более циничным и скептическим, но в общем и целом нас объединяет то, что мы преклоняемся перед чудом вселенной и всегда ищем ответы на вопросы, которые и сформулировать толком нельзя, только почувствовать — неуловимые, таящиеся где-то в подсознании, промелькивающие, как крылья колибри, но волнующие душу вопросы...

С этой точки зрения пятнадцать невыразимых минут на холме могут показаться до праха важным событием, золотой пылинкой истинного волшебства. А уж когда ты был там не один...

Об этом как-то толком не поговоришь и не напишешь, но, как мне кажется, настоящая магия жизни и складывается из таких вещей — невыразимых, неуловимых, недолговечных.

— У тебя есть планы на сегодня, малек? — спросил Полынь, когда мы добрались до наших лошадок, ждавших нас на опушке ореховой рощи.

У Внемлющего это была, как всегда, его любимая, в яблоках, Димпл, а у меня — кобылка из ведомственной конюшни по имени Сапфир, названная так за удивительные голубые глаза. Она была ужасно молода и ужасно строптива, но мудрая Димпл за время нашей поездки умудрилась передать ей часть своего спокойного достоинства и весомости, как, наверное, в свое время магистр Орлин передавал нам с Дахху и Кадией свои. Теперь Сапфир шла куда более мягким шагом, чем ночью, когда скакала так энергично, что сонная я то и дело норовила с нее грохнуться.

— Планов нет, — сказала я, поднимая руку и рассеянно касаясь листы вязов, склонившихся низко над лесной дорогой. Люблю мимоходом трогать листву и кору, как бы странно это ни звучало. — А что?

— Мой старший брат Вереск ни с того ни с сего попросил меня заехать в Академию, где он будет сегодня на завтраке. Учтивая, какие у нас натянутые отношения, это само по себе звучит подозрительно, а в ташени он еще и указал, что «дело довольно важное».

— Ого! — я так и подпрыгнула в седле. — Думаешь, преступление в стенах академии? Что-то, о чем нельзя говорить Смотрящим, чтобы не уничтожить репутацию учебного заведения?..

— Ну у тебя и фантазия, — фыркнул Полынь. — Надеюсь, там все же что-то попроще. Но предлагаю проехать со мной, если ты, конечно, не против.

— Конечно, я за! Я ни разу не видела Вереска. Все мои знания о нем ограничиваются тем, что «в детстве он был садистом, отрывающим ноги комарам», — я процитировала слова, когда-то произнесенные самим Внемлющим, — а сейчас занимает какую-то высокую должность... Какую, кстати?

— Он главный юрист Академии. И заодно преподает на Правовом факультете.

— О-о-о, тогда точно произошло преступление!..

— А тебе так и хочется полюбоваться трупом в этот свежий воскресный денек, да?

— Ну нет, — я дернула плечами. — Просто делаю ставки. В общем, я с тобой. Вопрос только, обрадуется ли Вереск тому, что ты приедешь не один.

— Радовать Вереска никогда не было моей целью, — хмыкнул Полынь и подстегнул лошадь.

Я люблю Академический городок Шолоха: этот чудесный квартал, пропитанный духом студенчества. Если вокруг Башни магов, где учат колдунов всех мастей, концентрируется чистое волшебство, то здесь ты чувствуешь запахи книг и кожи, пряного кофе, которым студенты поддерживают свою жизнь перед сессией, цитрусовых масел, которые девушки любят наносить на мочки ушей, роз, растущих на многочисленных клумбах. Здесь просторно и немного суматошно, а здания факультетов, библиотек, резиденций и других построек, разбросанные по всему кварталу, перемежаются с частными домами, магазинчиками и лавками аму-

летов — кто не захочет купить талисман на удачу перед важным экзаменом!..

Утром в воскресенье здесь было довольно тихо, хотя нам на встречу нет-нет да выгребали из тени бледные студенты, учившие что-то всю ночь и теперь явно не соображающие, какой на улице час и день. Бедолаги! Один такой чуть не шагнул под копыта моей лошади, и, когда я воскликнула: «Осторожнее!», отшатнулся обратно с вскриком:

— Ох, простите! Я сегодня ужасно рассеянная!.. Недосып.

Я удивленно вскинула брови. Да уж. У студента на лице присутствовала щетина, и в целом он выглядел однозначно как парень, так что оговорка в окончании глагола и впрямь была симптоматична.

Вереск ждал нас (ну, или, точнее, Полынь) на веранде ресторана «Ложечка знаний», расположенного под боком у Правового факультета. Увидев его издали, я, кажется, догадалась, почему у них с моим напарником не ладятся отношения.

Старший из молодого поколения Внемлющих был воплощением высокомерия и чопорности. Весь одетый в черное (черные замшевые брюки, черная блуза, черный кушак, черные ботинки), с такими же черными коротко стриженными волосами, с черными глазами и с черным... тьфу ты, в смысле, с мрачным (но бледным) лицом.

При виде нас он отнюдь не обрадовался, но вежливо встал, пожал Полыни руку и познакомился со мной. По сравнению со своим братом мой напарник выглядел, как детская погремушка в своей бодренькой хламиде (сегодня — оранжевой), с миллионом украшений и перышками в волосах. Вереск был того же роста, что и Полынь, но казался выше и по поведению производил такое впечатление, будто был отцом, а то и дедом Ловчего. Только не тем дедом, который дряхлый и ворчит, а тем, чей накопленный за долгую жизнь опыт переродился в чванливость в той же мере, что мудрость и жесткость,

и которому слова поперек не скажешь. Либо принимаешь его авторитет, либо валишь к праховой бабушке.

— Ну и что же такого случилось в твоих владениях, что ты позвал меня на беседу, дорогой брат? — Польша говорил настолько вежливо и неестественно, что это бесило даже меня: насмешка легко читалась между строк.

Вереск тоже предпочел перейти прямо к делу.

— У студентов новое увлечение, которое надо пресечь. Два дня назад на первом курсе Правового факультета появилось и мгновенно распространилось зелье, с помощью которого они развлекаются. Проблема в том, что это зелье до сих пор не прошло ни одной проверки на безопасность и вообще не планируется к свободной продаже. Его разработали в Башне магов, и кто-то, судя по всему, украл оттуда целую экспериментальную дозу и с какой-то радости принес к нам в Академию. Как мы понимаем, наши первокурсники, вместо того чтобы доложить преподавателям...

Тут Польша тихонько фыркнул. *Доложить преподавателям? Бред!..*

— ...разлили его по колбам и теперь передают друг другу. Эта зараза распространилась по факультету, как поветрие. Нам нужно выяснить, кто принес зелье в академический городок, кто додумался разлить его по колбам и, наконец, кто успел его попробовать. Первых и вторых нужно доставить ко мне, а у третьих — взять расписку о том, что они нормально себя чувствуют, не имеют претензий к Академии и не будут разглашать подробности своего... опыта.

— Я так понимаю, по твоей задумке этим делом должен заняться именно я от твоего имени, а не Смотрящие, чтобы в газетах — если там появятся материалы на этот счет — заголовки звучали скорее как «Академия быстро потушила эпидемию», нежели «Правовой факультет не уследил за здоровьем студентов»?